

Глава 10. Уговор из трёх пунктов

Хэ Янь был преданным поклонником Ли Чжуншаня.

Двадцать второе декабря стало днём премьеры «Города журавлей». По такому случаю Хэ Янь велел помощнику выкупить весь зал и пригласил сотрудников компании на просмотр. С тех пор как он лично отобрал себе троих ассистентов, Линь Шо вздохнул с облегчением: нагрузка заметно снизилась. Закончив дела пораньше, он сел в машину к Хэ Яню, и они вместе отправились в кинотеатр «Хуачэн».

В отличие от «Радости без границ», дела которой шли всё хуже, «Хуачэн» процветал. Уютный интерьер и внимательный сервис привлекали толпы зрителей.

Желающих ехать в одной машине с боссом не нашлось, так что Линь Шо и Хэ Янь остались наедине.

— Фильмы режиссёра Ли — это тебе не тот шлак, ради которого ты продал машину, чтобы пустить её под пресс, — наставительно произнёс Хэ Янь, не отрываясь от дороги. — Пора бы тебе заняться своим вкусом и перестать смотреть всякую дрянь.

— Гендиректор Хэ совершенно прав, — кротко согласился Линь Шо.

Он бросил взгляд в зеркало заднего вида на внушительную колонну машин с сотрудниками и невольно подивился влиянию Ли Чжуншаня. С самого начала карьеры этот режиссёр не выпустил ни одной слабой картины.

Добравшись до «Хуачэна», Линь Шо мельком глянул на расписание. «Город журавлей» доминировал: ему отдали шестьдесят пять процентов сеансов, безжалостно вытеснив конкурентов. «Безумный наклейщик плёнок», к примеру, удостоился лишь одного показа — глубоко за полночь.

Линь Шо это не задело. С того момента, как даты релизов совпали, он понимал: поначалу сборы «Наклейщика» будут жалкими. Выбирай он сам, тоже пошёл бы на «Город журавлей».

В зале Хэ Янь усадил Линь Шо рядом с собой. У режиссёра не было привычки жевать во время сеанса, поэтому он вежливо отказался от попкорна и сока, предложенных сотрудником. Увидев, как прямо и сосредоточенно сидит спутник, Хэ Янь невольно выпрямился и сам.

Картина была выдержана в классическом стиле Ли Чжуншаня: безупречная картинка, глубокий символизм. Линь Шо смотрел не отрываясь. Каждый кадр напоминал ему, какая бездна отделяет его от мастера. Но это было ожидаемо — в конце концов, Ли Чжуншань оставался единственным китайским режиссёром, взявшим «Золотого льва».

Заметив какое-то движение сбоку, Линь Шо повернул голову и увидел Хэ Яня, который рыдал в три ручья.

«А их президент, оказывается, тот ещё милашка», — промелькнуло в голове.

Почувствовав на себе взгляд, Хэ Янь поспешно вытер слёзы и, напустив на себя суровый вид, буркнул:

— Пошли, пошли. Сеанс окончен.

— Хорошо, — отозвался Линь Шо.

Уже у самого выхода он добавил:

— У меня сегодня ещё дела, так что я поеду отдельно.

Хэ Яню было неловко из-за своей недавней слабости, и он не знал, как смотреть парню в глаза. Но услышав об «отдельных делах», он мгновенно вспыхнул:

— Да я и не собирался ехать с тобой!

Линь Шо лишь мягко улыбнулся, не вступая в спор. Однако Хэ Янь, проследив за его взглядом, направленным на электронное табло с расписанием, внезапно «всё понял».

— Хм, — фыркнул он. — Неужели решил остаться и посмотреть ту дешёвку?

Линь Шо не стал отрицать.

Хэ Янь велел помощнику купить два билета. О выкупе зала речи не шло — времени не оставалось, да и к «Безумному наклейщику плёнок» он не питал ни малейшего интереса, чтобы так утруждаться. Щелчком пальца отправив ассистента восвояси, он помахал билетами перед Линь Шо.

— Ладно уж, пошли. Всё равно ещё рано, так и быть, посмотрю с тобой этот трэш.

Линь Шо промолчал.

Они вошли в тёмный зал. Пока Хэ Янь ждал, когда принесут попкорн, Линь Шо успел отправить сообщение в чат съёмочной группы, предупредив, что задержится.

Ван Хулай отозвался почти мгновенно:

«Что случилось?»

Линь Шо сфотографировал билеты и отправил в ответ:

«Смотрю кино в компании».

Ван Хулай впал в ступор. Они договорились отпраздновать премьеру в «Радости без границ», и без Линь Шо вечеринка казалась пресной. В чате тут же поднялся всеобщий стон.

«Бросить банкет, чтобы пойти посмотреть собственный фильм с кем-то посторонним... Ну и затейник же наш Режиссёр Линь!»

Линь Шо с весёлым интересом наблюдал за потоком сообщений, летящих на экране. В этот момент Хэ Янь наконец получил свой попкорн. Заметив, что парень улыбается, глядя в телефон, он ощутил странное раздражение.

— С кем это ты там переписываешься? — грубо спросил он.

Свет в зале погас. Линь Шо зачерпнул горсть попкорна и бесцеремонно запихнул его Хэ Яню в рот.

— В кино нужно соблюдать тишину.

С набитым ртом Хэ Янь не мог ни возразить, ни выплюнуть угощение. Ему оставалось только яростно жевать, сверля Линь Шо гневным взглядом. Однако в неверном свете экрана он видел лишь спокойный, сосредоточенный профиль, и злость почему-то сама собой сошла на нет.

Хэ Янь повернулся к экрану.

В тот миг, когда в кадре появился Лин Чу, Хэ Янь невольно затаил дыхание.

Экранный Лин Чу казался существом из иного мира, бесконечно далёким от суеты. Режиссёр и оператор явно обожали этого актёра: камера ловила каждое его мимолётное движение. Одной этой сцены было достаточно, чтобы зритель понял — перед ним главный герой. Человек, за чьим стоическим спокойствием скрывается буря.

Весь фильм Хэ Янь просидел не шелохнувшись. Он не мог отвести глаз от Лин Чу. Или, вернее сказать, камера ни на секунду не отпускала его. К финалу многие в зале плакали — но это были слёзы облегчения и горькой радости.

Весь сюжет герой Лин Чу нёс на плечах непосильную ношу. Обманывая других, он казался уверенным и невозмутимым, но под этой бронёй пряталась хрупкая душа. Когда в финале он наконец обнажил свою уязвимость перед героиней, зрители готовы были самолично разнести его кинотеатр в щепки вместе с ней — лишь бы прекратить его мучения. Что значила какая-то машина? Мелочь! Раздавить её к чёрту!

Этот герой не был идеальным, но в него невозможно было не влюбиться. Половина этого успеха принадлежала таланту Лин Чу, вторая половина — мастерству режиссёра. Каждый кадр был выверен так, чтобы подчеркнуть уникальное обаяние и красоту актёра.

Когда Хэ Янь впервые увидел сцену с разбитой машиной в трейлере, он испытал лишь азарт, а узнав, что это его подарок, — ярость. Теперь всё изменилось.

Он не мог разобраться в своих чувствах. Картина Ли Чжуншаня тронула его до глубины души, но «Безумный наклейщик плёнок» заставил его сердце биться чаще из-за человека на экране.

Хэ Янь понимал, что это лишь роль, но он уже был очарован. Этот персонаж не отступал перед трудностями, не терял надежды в горе, боролся до конца. Он был полной противоположностью Линь Шо!

Эта внезапная мысль заставила Хэ Яня вздрогнуть.

Он повернулся к спутнику и обнаружил, что Линь Шо спит. Спящим тот выглядел совсем иначе... Он посмотрел ниже, к краю шарфа, за которым скрывались багровые засосы, и наваждение мгновенно рассеялось.

«Наверное, уснул, потому что невыносимо смотреть на Лин Чу, который лучше него во всём? Что ж, хоть какая-то самокритика у него есть».

Хэ Янь бесцеремонно толкнул Линь Шо в плечо. Тот медленно открыл глаза. Конец месяца всегда был тяжёлым временем, отчёты и сводки отнимали все силы, так что сидеть неподвижно на собственном фильме, который он знал наизусть, оказалось выше его возможностей.

— Закончилось? — спросил Линь Шо, потягиваясь.

— Закончилось! — отрезал Хэ Янь и холодно добавил: — Сам хотел пойти, и сам же дрых.

Линь Шо лишь улыбнулся и потянулся за рукой Хэ Яня, собираясь выйти из зала. Но тот резко отпрянул.

Линь Шо замер. Увидев его озадаченное лицо, Хэ Янь почувствовал мимолётный укол совести. Возможно, он слишком явно продемонстрировал брезгливость? Но ведь Линь Шо сам заслужил

такое отношение!

Укрепившись в своей правоте, Хэ Янь поднялся и первым зашагал к выходу.

Уже в машине он, сохраняя ледяной тон, решил расставить все точки над «i».

— Слушай сюда. С этого дня — уговор из трёх пунктов. Первое: на людях не смей брать меня за руку. Второе: никаких объятий и поцелуев вне дома. И третье: никто не должен знать о нашей связи.

— Но ведь твои друзья и так всё знают? — спокойно заметил Линь Шо.

Хэ Янь на секунду запнулся, но тут же упрямо вскинул голову:

— Это не твоя забота. Я заставлю их закрыть рты!

— М-м, — Линь Шо отвернулся к окну. — Я понял.

Глядя на его опущенные ресницы, Хэ Янь ощутил беспричинную тревогу и глухое раздражение. Ему всё ещё нравилось тело этого парня, он не хотел лишаться идеальной «грелки» в постели, но самого Линь Шо он ни в грош не ставил. Скрывать их отношения он решил ради будущего — чтобы, когда встретит ту самую, настоящую любовь, не пришлось оправдываться...

Образ Линь Чу на экране помог ему это осознать. Да, у него обязательно будет кто-то достойный. И тогда услуги Линь Шо больше не понадобятся. А значит, нельзя давать ему повода для иллюзий. Пусть помнит своё место.

«Разве это несправедливо? — убеждал себя Хэ Янь. — С чего мне вообще перед ним извиняться?»

Он то и дело поглядывал на Линь Шо, но тот сидел тихо, и эта тишина бесила Хэ Яня всё сильнее.

— Что ты замолчал? Или хочешь, чтобы все вокруг узнали, как ты торгуешь задом ради денег? Тебе, может, и плевать на позор, а мне — нет!

Линь Шо посмотрел на него:

— Я и не думал спорить. — Он виновато склонил голову. — Моя вина, забыл о приличиях. Я как раз сидел и занимался самокритикой.

Хэ Янь удовлетворённо хмыкнул:

— То-то же.

Он довёз Линь Шо до квартиры и там, не теряя времени, взял его дважды. Поначалу тот старался подыгрывать, но под конец силы окончательно оставили его, и он лишь безвольно принимал чужую страсть.

Удовлетворив желание, Хэ Янь по привычке хотел было отнести изнурённого любовника в ванную, но вовремя одёрнул себя. «Нечего его баловать, ещё возомнит о себе невесть что».

Он бесцеремонно схватил Линь Шо за подбородок, вынуждая посмотреть на себя сверху вниз.

— Иди и сам приведи себя в порядок. Слышишь?

Линь Шо поморщился от боли, встретившись с ним взглядом.

В некоторых вещах Хэ Янь казался непроходимо глупым, но лишь потому, что жизнь никогда не требовала от него изворотливости. Обычные люди «учатся уму», чтобы избегать ударов судьбы. Хэ Яню это было ни к чему. На деле же он был далеко не дурак, и когда дело касалось его интересов, он умел устранять препятствия лучше многих.

Судя по всему, он уже определил Линь Шо место в своём будущем.

Что ж, так даже лучше. Через три с половиной года их пути разойдутся навсегда. А возможно, это случится гораздо раньше.

— Я слышу, — ответил Линь Шо.

<http://bllate.org/book/17574/1709687>